

УДК 94 (476)

**ОПЕКА НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ
В БЕЛОРУССКИХ ГОРОДАХ В XVI – XVIII ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВА)**

Н.Н. АЛЕКСЕЙЧИКОВА
(Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Рассматривается институт опекунства, хорошо развитый в XVI – XVIII века. Это было обусловлено большим количеством детей-сирот, нуждавшихся в опеке. Причем к числу таковых относились не только дети, утратившие обоих родителей, но и те, которые потеряли только отца. Опека над несовершеннолетними детьми могла быть установлена как одним из родителей при составлении им завещания, так и органами местного управления. Опекунами могли стать прежде всего близкие родственники-мужчины, в случае отсутствия таковых опекуном могли стать мать или бабушка. Если у сироты не было родственников, то опекун назначался из числа уважаемых жителей города. Взаимоотношения между опекуном и подопечным регулировались нормами общегородского и общегосударственного права.

Введение. На разных этапах развития исторической науки белорусские исследователи обращались к истории детства. Правоведы, на основе анализа правовых документов показывали, каким было положение детей, какими правами и обязанностями они обладали в семье, как относилось общество к осиротевшим детям, а также правовому регулированию взаимоотношений подопечный – опекун (И.А. Малиновский, А. Тавтолес, И.А. Юхо) [10; 22; 25].

Педагоги занимались исследованием одной из важнейших сторон матримониальных отношений, они изучали вопросы, касающиеся воспитания подрастающего поколения. Данная проблема поднимается в книге «Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г.». В своей работе авторы акцентируют внимание на вопросах образования. В то же время в книге затронута и проблема воспитания, так как авторы уделяют внимание способам воспитания, которые применяли наши предки [3]. Изучение традиций воспитания и обучения подрастающего поколения жителей белорусских земель были продолжены И.И. Калачовой, Г.П. Орловой, Л.В. Раковой [2; 8; 9; 20].

Белорусские историки также обращались в своих работах к истории детства. И.А. Марзалюк в своей работе «Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.)» останавливается на правах и обязанностях родителей по отношению к их детям, и наоборот [11].

К сожалению, исследователи оставили без должного внимания вопросы, касающиеся опеки над несовершеннолетними детьми, оставшимися без попечения либо обоих родителей, либо одного из них. Отсутствуют также работы, посвященные взаимоотношениям между опекунами и их подопечными в реальной жизни. Поэтому данная статья, посвященная исследованию взаимоотношений опекунов и их подопечных (несовершеннолетних детей), а также тому, как на практике реализовывались их права и обязанности в XVI – XVII века, является актуальной.

Опека над несовершеннолетними детьми в белорусских городах в XVI – XVIII века (на примере Могилева). XVI – XVIII века характеризуются высоким уровнем смертности, обусловленным многочисленными войнами, ареной которых становились белорусские земли¹, эпидемиями [26, р. 131 – 143]², а также просто низким уровнем гигиены и слабым развитием медицинских знаний. В результате в рассматриваемое время наблюдается значительное число детей-сирот (табл. 1). В XVI – XVII века к данной категории относились не только дети, потерявшие обоих родителей, но и те, кто остался без опеки только отца. Например, несовершеннолетний могилевчанин Яцко, сын Карпа Пашкевича (умер в 1570 г.), именуется «сиротой-убогой», несмотря на то, что его родная мать жива и повторно вышла замуж: «Федко Огапонович, отчим Іацка Карповича дитяти <...> до часу пришлого своего опатровати и опекуномъ его быти мел, подвязываючися и у в он час, кгда тот Іацко до летъ зеполных придет...» [7, с. 5, 107 – 108]. Это было обусловлено патриархальным характером семьи и тем, что женщина не являлась полноправным членом общества (нуждалась в опеке со стороны мужчины-родственника либо мужчины-опекуна).

¹ Войны с Московским государством: 1500 – 1503 гг., 1512 – 1522 гг., 1507 – 1508 гг.; Ливонская война 1558 – 1583 гг.; войны Речи Посполитой с Россией 1609 – 1618 гг., 1632 – 1634 гг., 1654 – 1667 гг., Северная война 1700 – 1721 гг. [5, с. 370 – 378]. В результате войны России и Речи Посполитой 1654 – 1667 гг. население ВКЛ сократилось в 2 – 3 раза, Северная война унесла 2 млн. человеческих жизней (по Беларуси 1,5 млн.) [5, с. 57].

² Эпидемии являлись как следствием военных лихолетий, так и неурожайных лет. Текст «Хроники Литовской и Жомойтской» содержит сведения о голоде, прокатившемся по землям ВКЛ в 1544 и 1571 гг. [23, с. 108 – 109, 144]; составителями Баркулабовской летописи было отмечено с 1585 по 1608 г. 10 неурожайных лет, сопровождавшихся эпидемиями (1585, 1587, 1588, 1597, 1599, 1600, 1601, 1602, 1603 и 1608 гг.) [4, с. 176 – 178, 183 – 184, 187 – 189, 192].

Таблица 1

Опека над несовершеннолетними в XVI – XVIII века

№ п\п	Год установления опеки	Подопечный	Опекун(ы)	Кто установил опеку	Основание установления опеки	Кем приходится опекун подопечному	Родители подопечных		Источник
							отец	мать	
1	2	3	3	4	5	6	7	8	9
1а	1570	Яцко Пашкович	Клишко Выголк	отец	завещание	дядя по отцу	Карп Пашкович	сейчас жена Федко Огапоновича	[7, с. 5 – 6, 107 – 108]
1б			Овхим Пашкович	самоуправство		дядя по отцу			
1в	Кузьма Авусович		вряд	решение суда	уважаемый житель города				
1г	Федко Огапонович		вряд	решение суда	отчим				
2а	1577	Евгения (Агия)	Юрий Васильевич	отец	завещание	брат	Василий Поменко	Авдотья	[7, с. 4 – 5; 107 – 108]
			Сасис Васильевич			брат			
2б	Авдотья		вряд	договор между предыдущими опекунами и новым	мать				
3	1578	сын брата Тишко Лучниковича	Тишко Лучникович, поп Ознесенский	отец	завещание	дядя по отцу	брат Тишко Лучниковича	?	[1, с. 21]
4а	1578	Никипор	Ходор Яроминич	отец	завещание	дядя по отцу	Клишко Еронимич	Ульянан Процковна	[1, с. 74 – 75, 192]
4б	1579		Хома Феткович Шакурин, Ульяна Процковна	вряд	договор между бывшим и будущим опекунами	муж матери и мать			
5а	1578	Силивон	Ходор Яроминич	отец	завещание	дядя по отцу	Клишко Еронимич	Ульянан Процковна	[1, с. 74 – 75, 192]
5б	1579		Хома Феткович Шакурин, Ульяна Процковна	вряд	договор между бывшим и будущим опекунами	муж матери и мать			
6	1578	Яцко	жена Ждана (Клишко) Мишковича	приемный отец	завещание	приемная мать	Ждан (Клишко) Мишкович	?	[1, с. 83 – 84]

Продолжение таблицы 1

1	2	3	3	4	5	6	7	8	9
7	1578	Настасья	Федор Игнатович	отец	завещание	сводный брат	Игнат Чемирович	Гапея	[1, с. 128 – 129]
			Гришко Игнатович			сводный брат			
8	1578	Роман	Пантелей Иванович		завещание		Демид?	Мария Демидовая	[24, с. 157 – 158]
9	1578	Федора	Стефанович Гнида	?	?	дядя по отцу	Данило	?	[1, с. 118, 121 – 122]
10	1579	дети Озара	Клишко Федорович Выголк	отец	завещание	?	Озар	Настасья Озаровая	[1, с. 168, 179, 523 – 524]
11	1579	Одарья	Никита	отец	завещание	брат	Окула Васильевич Пигор	Анна	[1, с. 403 – 404]
12	1579	Токла	Стефан Юцович	мать	завещание	дедушка по матери	Стефан Тишкович	Масюта Степановна Тишковая	[1, с. 264]
13	1579	Анна	Игнат Иванович	мать	завещание	муж сестры	Кузьма Жылин	Авдотья Митковна	[1, с. 292]
14	1579	Влас Авдеевич	Войтех Ескович Прудник	отец	завещание	?	Авдей Васкович	Пекла Опанасовна Белка	[1, с. 295, 331]
			Тимофей Васильевич			дядя по отцу			
15а	1579	Мария	Войтех Ескович Прудник	отец	завещание	?	Авдей Васкович	Пекла Опанасовна Белка	[1, с. 295, 331]
15б			Тимофей Васильевич	вряд	отказ от обязанностей опекуна	дядя по отцу			
16	1579	дети Семена Хоминича Волка	Макей Мякиш	отец	завещание	товарищ отца по торговым делам	Семен Хоминич Волк	Анна Михайловна Волкова	[1, с. 472, 479]
17	1579	Илья	Платон Остапович	?	?	дядя по отцу	брат Еско, Захарии и Платона Остаповичей		[1, с. 381]
18	1579	Ерко Ескович	Платон Остапович	вряд	решение суда	дядя по отцу	Еско Остапович	Мария Ивановна	[1, с. 381]
19	1579	Андрей	Артем	отец	завещание	брат	Офанас Яковлевич	?	[1, с. 460 – 461]
20	1579	Васко	Артем	отец	завещание	брат	Офанас Яковлевич	?	[1, с. 460 – 461]
21	1579	Исай	Артем	отец	завещание	брат	Офанас Яковлевич	?	[1, с. 460 – 461]
22	1579	Сава Яковлевич	Иван Васильевич Ледвей	отец	завещание	?	Яков Максимович	первая супруга; мачеха Пекла Яковлева	[1, с. 487]
23	1580	Мария	Фенко Иванович	дед и отец	смерть матери	отец	Фенко Иванович	Хима, дочь Пашко Ивановича	[1, с. 554]
24	1580	Опанас Дешкович	Панфил Никонович	отец	завещание	муж сестры	Дешко Санкович	Варуша Лукиновна	[1, с. 564 – 565]
25	1580	Юрко Дешкович	Панфил Никонович	отец	завещание	муж сестры	Дешко Санкович	Варуша Лукиновна	[1, с. 564 – 565]
26	1580	Иванко (Опанас)	Пашко Сопронович	отец	завещание	муж сестры	Семен Микитинич	Томила (Аксинья) Васильевна	[1, с. 566 – 567]

Продолжение таблицы 1

1	2	3	3	4	5	6	7	8	9
27	1580	Ходосья	Пашко Сопронович	отец	завещание	муж сестры	Семен Микитинич	Томила (Аксинья) Васильевна	[1, с. 566–567]
28	1580	Улита	Пашко Сопронович	отец	завещание	муж сестры	Семен Микитинич	Томила (Аксинья) Васильевна	[1, с. 566–567]
29	1615	Богдана	Алексей Озарович?	отец	завещание	брат	Озар Ромпнович	?	[12, л. 189 – 189 обр.]
30	1701	Хомна	Ульяна Хоминична Герасимова Дерушина	вряд	Решение вряда	мать	Хома Козминич	Ульяна Хоминична Герасимова-Дерушина	[13, л. 105 обр. – 106 обр.]
31	1701	Прасковья	Ульяна Хоминична Герасимова Дерушина	вряд	Решение вряда	мать	Хома Козминич	Ульяна Хоминична Герасимова-Дерушина	[13, л. 105 обр. – 106 обр.]
32	1702	Ясь	Ян Трофимович Лешкевич	отец	завещание	дядя по отцу	Михаил Хуторович Казкевич	Дорота Трофимовна Ленковичева	[6, с. 203–220]
			Ерый Трофимович Лешкевич	отец	завещание	дядя по отцу			
33	1702	Федор Федорович Цалабанович	Кристоф Анкудович	?	?	дядя по отцу	Федор	?	[14, л. 233, 315 – 316]
34а	1702	Анна	Федора Ивановна Бироевая	самоуправство		бабушка со стороны матери	Родион Хомич	Дочь Федоры Ивановны Бироевоц	[14, л. 512 – 512 обр.]
34б			Хафон Иванович Биревич			дядя со стороны матери			
34в			Ксенья Тимофеева Похомкина			сестра со стороны матери			
34г			Агафья Авсеева			сестра со стороны матери			
35а	1702	Устинья	Федора Ивановна Бироевая	самоуправство		бабушка со стороны матери	Родион Хомич	Дочь Федоры Ивановны Бироевоц	[14, л. 512 – 512 обр.]
35б			Хафон Иванович Биревич			дядя со стороны матери			
35в			Ксенья Тимофеева Похомкина			сестра со стороны матери			
35г			Агафья Авсеева			сестра со стороны матери			
36	1704	Мелеш Мартинович Коласович	Ешко Колосавич	?	?	брат	Мартин Колосавич	?	[16, л. 253 обр.]
			Хавула Колосвич			брат			

Окончание таблицы 1

1	2	3	3	4	5	6	7	8	9
37	1705	Антон Деньмнович Роцинко	Андрей Демьянович Роцинко	?	?	брат	?	Демьян Иванович Роцинко	[17, л. 144 обр.]
38	1708	Федор Иванович Михлаев	Евдокия Иванова Махласва	?	?	сестра-вдова	Иван Михлай	?	[18, л. 116 обр.]
39	1708	Карп Иванович Михлаев	Евдокия Иванова Махласва	?	?	сестра-вдова	Иван Михлай	?	[18, л. 116 обр.]
40	1708	Андрей Иванович	Евдокия Иванова Махласва	?	?	мать	Иван	Евдокия Иванова Махласва	[18, л. 116 обр.]
41	1708	Карп Иванович	Евдокия Иванова Махласва	?	?	мать	Иван	Евдокия Иванова Махласва	[18, л. 116 обр.]
42	1708	Иван Григорьевич Путерка	Матрена Ивановна Григорьева	?	?	мать	Григорий Петрко	Матрена Ивановна Григорьева	[18, л. 30]
43	1708	Мария Григорьевна	Матрена Ивановна Григо- рьева	?	?	мать	Григорий Петрко	Матрена Ивановна Григорьева	[18, л. 30]
44	1709	Семен Микитич	Мария Микитовна Возувна	?	?	сестра – незамужняя	Микита	?	[19, л. 109 обр.; 137 обр.]
45	1709	Парасья Микитинична	Мария Микитовна Возувна	?	?	сестра – незамужняя	Микита	?	[19, л. 109 обр.; 137 обр.]
46	1709	Аксюта Микитинична	Мария Микитовна Возувна	?	?	сестра – незамужняя	Микита	?	[19, л. 109 обр.; 137 обр.]
47	1709	Василий Максимович	Пелагея Савелова	?	?	мать	Максим Ахремович	Пелагея Савеловна	[19, л. 87 обр.]

Таблица 2

Освобождение от опеки над несовершеннолетними в XVI – XVIII века

№ п\п	Год установления опеки	Год освобождения от опеки	Подопечный	Опекун(ы)	Кем установлена опека	Основание установления опеки	Основание для освобождения от опеки	Решение суда	Источник
1	1570	1577	Яцко Пашкович	Клишко Выголк		завещание	отказ опекуна от опеки	освободить от опеки, как не вступившей в действие	[7, с. 5 – 6]
2	1570	1577	Яцко Пашкович	Овхим (Евхим) Пашкович	самовольная	?	растрата имущества подопечного	посадить в тюрьму, как растратчика имущества, который не в состоянии возместить убытки	[7, с. 5 – 6]
3	1577	?	Яцко Пашкович	Кузьма Авусович	?	решение суда	установление нового опекуна	передать опеку в руки матери ребенка и ее второго мужа	[7, с. 107 – 108]
4	1577	1577	Евгения (Авгия)	Юрий, Сасин Васильевичи	вряд	решение суда	договор с новым опекуном	передать опеку в руки матери ребенка	[7, с. 4 – 5]
5	?	1577	Алексей	Иван Зенович	отец	?	достижение совершеннолетия подопечным	квитование подопечным	[7, с. 29]
6	?	1577	Иван Юркович	Гапон Хролович	муж сестры	?	достижение совершеннолетия подопечным	квитование подопечным	[7, с. 123]
7	1579?	1579	Влас Овдеевич	Войтех Ескович Прудник	отец	завещание	просьба опекуна	назначить нового опекуна	[1, с. 331]
8	1579?	1579	Мария Авдеевая	Войтех Ескович Прудник	отец	завещание	просьба опекуна	назначить нового опекуна	[1, с.3 31]
9	?	1701	Хомка, сын Хомы Козминича	Андрей Клим	отец	?	желание матери самой воспитывать детей	передать опеку матери Ульяне Хоминичне Герасимовой Дерушиной	[13, л. 105 обр. – 106 обр.]
10	?	1701	Прасковья, дочь Хомы Козминича	Андрей Клим	отец	?	желание матери самой воспитывать детей	передать опеку матери Ульяне Хоминичне Герасимовой Дерушиной	[13, л. 105 обр. – 106 обр.]
11	?	1704	Мелеш Мартинович Коласавич	Ешко Коласавич	?	?	достижение совершеннолетия подопечным	квитование подопечным	[16, с. 253 обр.]
				Хавуло Коласавич	?	?			
12	?	1708	Мария Григорьевна	Матрена Ивановна Григорьева	?	?	дочь выходит замуж		[18, с. 30]

В XVIII веке к числу детей-сирот стали относить и детей, оставшихся без матери: «*протестовал пан Родико Хомич мещанин и купец могилевский, своим и дочерей своих еще лет не доросших, Анны и Устиньи, по смерти небоиццы малжонки протестатора позосталых серот именем...*» [14, л. 512 – 512 обр.]. Это, на наш взгляд, свидетельствует об усилении позиций женщины в семье, о чем шла речь выше.

Для защиты интересов таких детей в обязательном порядке назначался опекун. Он мог быть назначен родителями при составлении завещания (см. табл. 1, № 1 – 8, 9 – 14, 16, 19 – 22, 24 – 30, 33). В этом случае в качестве опекунов чаще всего выступали либо близкие родственники: «*Клишько на теле хори, але на умысле здровы при памети доброй будучи <...> таковы тестамент учиниль <...> А опекуномъ детям своимъ и жоне установил брата своего Ходора Яроминича...*»; Масюта Стефановна, будучи при смерти, составила завещание, в соответствии с которым «*дитя свое поручила в опеку отцу своему Стефану Юцовичу...*» [1, с. 74 – 75, 264], либо оставшийся в живых родитель: «*Пашко Иванович чынил сознание, иж што был дал дочку свою на име Химу въ стан светый малженьский за мещанина Могилевског(о) Фенка Ивановича <...> А иж дочки мое Химы в жыводе не стало, тогда зъ зятемъ своим Фенком погодилисе, иж он, зят мой, дитя Марьюшу, которое з небожчыцю сплдил и тую до себе узял яко властное дитя...*» [1, с. 554]. В случае отказа опекуна, определенного завещанием, выполнять свои обязанности, либо не справившегося с ними «вряд» назначал для сироты опекун из числа уважаемых горожан: «*Клишько, будучи екуномъ помененого Гаца, братанича его, и все маетности того дитяти, тестаментъ <...> Ивашко Куприева, мещанина Могилевского, описанного и поставленного іако дитяти того живити и опатровати подле повинности своей такъ и зо всей маетности личбы жадное чинити не хочет <...> (отказ был обусловлен тем, что Клишко не принял на себя обязанности опекуна, а реальную опеку над ребенком и всем его имуществом осуществлял еще один брат Ивана Купреева, Овхим – А .Н.) в ураде войтовскомъ Могилевскомъ помененого Клишку з опеки преречогоно вызволяють и волнымъ чынять, а Овхима которого врадъ замъковый яснее у выписе своемъ опекуномъ называетъ и чинить, за всякие шкоды и опекая пожитковъ того вбогое сироты верху меновагоно Гаца виннымъ быти сказалъ, а во всемъ се ему до шести недель увыстит росказаль. А в недостатку маетности его, бо откул бы то платити хотелъ и поруки по себе не мель дано и до везенія. <...> А тымъ часомъ з уряду, абы се тая убогая сирота по кутехъ не потилала, злецоно ее пану Авусовичу райцы Могилевскому <...> докуль ему не будеть з урады иньший опекунъ приданый...*» [7, с. 5 – 6].

Согласно городскому праву подобная ситуация имела место и в случае отсутствия завещания [27, s. 27]. К сожалению, актовые книги Могилевского магистрата не содержат сведений о назначении опеки без завещания, что не позволяет нам более подробно рассмотреть данную ситуацию. Однако с уверенностью можем определить круг лиц, которые выступали в качестве опекунов по завещанию:

- один из родителей (см. табл. 1: № 6, 23, 31, 32, 40 – 43, 47);
- старшие братья (см. табл. 1: № 2а, 11, 19 – 21, 29, 36, 37) и мужья старших сестер (см. табл. 1: № 13, 24 – 28);
- родственники-мужчины со стороны отца (см. табл. 1: № 1а, 1б, 3, 4а, 5а, 9, 14, 15б, 17, 18, 30, 33);
- родственники-мужчины со стороны матери (см. табл. 1: № 12, 34б, 35б);
- при отсутствии родственников вообще либо не возможности ими исполнять свои обязанности, опекун назначался из числа почтенных мужей города (см. табл. 1: № 1в, 4б). Такой человек не мог отказаться от опекунских обязанностей, если на то не было достаточных оснований. В качестве уважительных причин признавались: 1) наличие у опекуна большого количества своих детей; 2) государственная служба, которую выполнял человек, назначенный опекуном; 3) отсутствие у опекуна средств к существованию; 4) наличие у опекуна какой-либо болезни, не позволяющей выполнять своей долг перед подопечными; 5) преклонный либо, наоборот, слишком юный возраст опекуна; 6) наличие у опекуна и отца подопечных неприязненных отношений [27, s. 25]. Например, в августе 1579 года могилевский мещанин Войтех Ескович обратился в суд с просьбой освободить его от обязанностей опекуна, так как «*маючы перед собою большие sprawy, а к тому властным дети свои*», не мог их больше осуществлять. Это были достаточно веские основания, и суд постановил: «*А так мы, обачаючы, ижбы детемъ шкода в маетности ихъ не была, а к тому, иж никому не належыт опека водлуг права, одно тых детей приржоному и близкому, которую опеку оног(о) небожчыка Авдея Васковича брату его Тимофею Васильевичу, яко приржоному, подали дети небожчыковские, то есть сына небожчыковского Еласа Овдеевича а дочку его Марью <...> в моць и в опеку и в оборону з рамена уряду своего подали*» [1, с. 331].

Начиная с XVIII века в актовых книгах в качестве опекунов начинают выступать родственницы-женщины (см. табл. 1: № 34а, 34в – 35а, 35в, 35г, 38, 39, 44 – 46). Так, в 1708 году Евдокия Иванова Махлава, вдовствующая горожанка, осуществляла опеку над несовершеннолетними братьями и двумя своими детьми [18, л. 116 обр.], в 1709 году обязанности опекуна над малолетними сестрами и братом вынуждена была на себя взять незамужняя сестра: «*Мария Микитовна Возувна в стане паненском будучая <...>*

зезнанье свое добровольное до Актв места могилевского теми словами учинила, иж по теперешнем зле военном <...> не имея себя, как и Семена Микитинича, Парасьи и Аксюты Микитиничн брата и сестр своих в летах недорослых будущих чем кормить <...> для тех причин продала мркз сеножатный...» [19, л. 109 обр.]. Данное положение вещей, особенно в последнем случае, было не типичным, поскольку противоречило статьям городского права и было связано с военным лихолетьем.

Опекун должен был заменить сироте родителей. На него возлагалась забота о ребенке. Опекун защищал интересы своего подопечного и занимался его воспитанием и образованием. Вот какие наставления дают опекунам своих детей могилевские мещане при составлении своих завещаний: 1) Ждан Мишкович: «А которое дитя взял был себе за сына Яцька, тое мает при жене его быть, яко пры матце своей мешкати <...> которы кгда доростет лет, мает его matka дать на науку якогож колвекъ ремесла...»; 2) Ждан Богданович: «болший сын поты мает братю свою дети, позосталые по отцу своемъ, ховат и выжывенье имъ дать, поки збожа отцовског(о) ставити маеть, а кгда вжо зюожа не станет, тогды кождый себе о живность старатисе маеть...»; 3) Семен Микитич «детемъ своимъ вышъ преречонымъ (Опанас, Ивашко, Ходося и Улита – А. Н.) установиль и назначыл опекуном зятя своег(о) Пашка Сопроновича, маючы то о немъ уфане доброе, же вси долги поменены справит мает и волю его остаточную выполнит, а особливе о детях ег(о) прощу и старанье мети мает, абы были выховани в боязни Божой и в твиченю добром...» [1, с. 84, 460, 566 – 567]. Как видно, из второго из приведенных примеров, опекун не обязан был тратить собственные средства на содержание опекаемых.

С целью защиты имущества несовершеннолетних детей предусматривалось создание инвентаря, который отражал все имущество, которые переходило в руки опекуна до момента совершеннолетия опекаемого: «Иван Тарасович а Аниска Иванович, мещане Могилевские чынили оповеданье о томъ, иж што дано в опеку п(е)н(я)зей готовых коп сто и шестьдесят одну копу гр(о)шей небожчыка Семена Хоминича Волка ховат тые гр(о)шы до взросту детей небожчыковских, с которых гр(о)шей водлуг сказни и опису на инвентару урядовом на выхованья детем небожчыковским дат повинни есмо на кождый рок от тых п(е)н(я)зей коп полдесяти гр(о)шей шесть взросту будучы готовыми» [1, с. 364]. Наличие инвентаря позволяло контролировать деятельность опекунов и тем самым защищать интересы несовершеннолетних детей, поскольку на его основании опекуны передавали имущество своим подопечным, когда те достигали совершеннолетия.

Однако нередко были случаи, когда опекун, принявшие опеку над сиротой, злоупотреблял своим положением, составляя неверный инвентарь. Если подобное имело место, то ближайший родственник подопечного имел право опротестовать данный документ: «Уляна Процьковна, жалова(ла) через отца своего Процька на учтывого Ходора Яромича, яко опекуна небожчыка мужа своег(о) першого Клишъка, о томъ, иж онъ Ходор, опекунъ детей небожчыковских, скоро по смерти мужа дей моего Клишка на должниках ведлуг тестаменту небожчыковского гр(о)ши выплативши, у себе держит, а яко будучи опекуномъ детемъ небожчыковскимъ по небожчыку позосталым Никипору а Селивону, на выховане ничог(о) не дает <...> А уряд сказал, абы у субботу пришу лавники тамъ до дому шотши и пораховане о вси речи, яко у дому и всю маетность небожчыковскую пораховане межи ними учинили» [1, с. 231].

Опекун, злоупотребивший своими обязанностями и растративший что-либо из имущества подопечного, лишался возможности осуществлять опеку (табл. 2: № 2). Кроме того, он возмещал причиненный ущерб. Например, в 1577 году могилевского мещанина Овхима, осуществлявшего опеку над несовершеннолетним племянником Яцко, «за всякие шкоды и опеканя пожитковъ того вбогое сироты верху меновагоно лацка виннымъ быти сказалъ, а во всемъ се ему до шести недель увыстит росказаль. А в недостатку маетности его, бо откул бы то платити хотель и поруки по себе не мель дано и до везеня...» [7, с. 5]. Как видим, нерадивого опекуна не только отстранили от обязанностей, но и посадили в тюрьму, из-за того, что он не мог возместить причиненный ущерб.

Как отмечалось выше, опекуном мог быть и один из родителей. В том случае если опекуном становился отец, то составление инвентаря, согласно городскому праву, было необязательно [27, с. 44]. Однако если после смерти женщины у нее оставалась несовершеннолетняя дочка, то приданое матери, которое она должна унаследовать в соответствии с магдебургским правом, попадало в руки родственников матери по мужской линии, которые устанавливали своеобразную опеку над этим имуществом до совершеннолетия девочки. Так, в 1580 году могилевский мещанин Пашко Иванович получил в свои руки приданое, которое он дал за своей дочерью Химой. После этого ввиду того, что сам был уже человеком преклонных лет, он передал это приданое своему сыну Антону, которые должен был его сохранить до совершеннолетия внуки [1, с. 554].

Данная практика имела отношение только к приданому женщины, в случае же с наследством, последнее находилось в руках главы семейства – отца, который осуществлял опеку над детьми (Статут 1588, раздел 5, артикул 2) [21, с. 225].

Несколько иначе обстояло дело, если опеку над детьми осуществляла мать. Она, как и любой опекун, составляла инвентарь: *«пришетши до книгъ сполубратіа наша слаутные Панове то есть Окула Пигор, панъ Григорей Лобанъ бурмистры, Харка Максимович лавник, учинили сознанье и поведіали тыми словы, иж што дей в.м. нас з уріаду своего дліа переписованіа маетности позосталое по небожчыку Хоме Ивановичу Мокусу а спалую на жону его Марю Алексьеевну и на дети ее лет недорослых на Ивашька а Иевка припалую послат рачили, ино дня нинешнего в субботу колисмо пришли у домъ Макусовски найпервей нашли то есть...»* (далее перечисляются все вещи, которые были внесены в инвентарь) [24, с. 159]. В то же время мать имела право как принять на себя обязанности опекуна, так и отказаться от них, причем «вряд» не мог ее принудить осуществлять опеку, как это могло иметь место в случае с родственниками-мужчинами сироты. Так произошло в 1577 году: Овдотья, вдова Василия Поненка (последний в качестве опекунов оставил своих совершеннолетних сыновей), высказала желание не только самостоятельно заниматься воспитанием своей дочери Евгении, но и стать ее опекуном: *«иж она (Овдотья – А. Н.) не хотечи поспол и з дочкою своею Евгинею быти и на вдовим столцу мешкати и седети, а волечи вси речы тые которые муж ей Василій Поненко описал и отказал и остаточною волею даровал, в моцы и у владности своей меть, и ими себе и дочку свою Евгинею до часу притіа лет ей зуполных живити и водлуг подобаніа своего опатрывать, тогды што ее колвек в тестаменте мужа ее належало ей поменило, на тот часъ от опекунов ихъ зуполне дошло, што иж по достатку рук своих побрала, тогды теж и тымъ детемъ добре опекаети...»* [7, с. 38 – 39]. Более того, в некоторых случаях мать брала на себя роль опекуна, освобождая от этой обязанности человека, назначенного по завещанию: *«...Васко Монкович, оповедалъ, иж дей Маря Охремовна Федоровая выпустила мене и учинила волнымъ з опеки листомъ своимъ...»* [1, с. 526]. Согласно городскому праву мать не имела права осуществлять опеку над своими детьми, если вступила в повторный брак. В этом случае она должна была передать опеку над своими детьми и их имуществом другому лицу [27, с. 50]. Так, следуя данной норме, в 1709 году моголевская мещанка Пекла Савлова оформила дарственную на своего несовершеннолетнего сына Василия Максимовича, передавая тем самым наследство, оставленное в пользу мальчика его усопшим отцом, Максимом Ахремовичем [19, л. 87 обр.].

Заботясь об имуществе своих подопечных, опекун от их имени как наследников, взыскивал и выплачивал долги усопшего родителя: *«Ходоръ Яроминич, яко опекун детей небожчика Клишька Ероминича, тестаментомъ описаны, а Логвинъ Иванович, мещане (...) Могилевские, вызнали, иж взяли и скутечне потнесли готовых рукоданных гр(о)ши копъ трынацат личбы и монеты Литовское от слаутного пана Мойсея Пигоровича (...) которые онъ и с товаришомъ своимъ Леономъ Артемовичомъ небожчику Клишьку и товаришу его томуж Логвину Ивановичу был винен, которыхъ Хведор Яроминич, яко опекун детей небожчика Клишька, половину, то есть полсеми копы гр(о)шей до себе на шацунк ку пожитку детемъ небожчыка Клишька взял»* [1, с. 192 – 193], а также участвовал в заключении сделок (например, торговых) и защищал интересы подопечных в суде: *«скарга (Кристофа Анкудовича – А. Н.) (...) на неверного жиди Мойшу (...) о то, что в 1702 году каким-то способом став опекуном и добродеем и намовиши моего швагера на имя Геско Цалабановича как в летах малога, абы вместе торговали. Поехали до пана Бурачка бурмиста Могилевского там же позычили пенендзы талеров битых 50 (...) на то вынуждены были дом с котлом пивным, гумном и садом записать...»* [14, л. 233, 315]. В данном случае несовершеннолетний дал свое согласие, чтобы Мойша выступил в качестве его представителя при заключении сделки в отсутствие его законного опекуна. Избрание таких «временных» опекунов являлось правомерным, о чем свидетельствует то обстоятельство, что суд не аннулировал заключенную сделку, несмотря на несогласие с ее условиями реального опекуна [14, л. 315 обр. – 316].

Опека над мальчиками прекращалась по достижению ими совершеннолетия. Опекун возвращал своему подопечному все принятое под опеку имущество: *«Иван Юркович оповедал (...) иж што тыми часы обжаловал был Гапона Хроловича, зіатя небожчицы матки свое Матруны, через тестамент остаточное воли ее справный, опекуна себе вчиненного, прыпоминаючися або маетністю тому опекуну до пристя лет его зуполных, в моц данною; на тот час вже коли лета свои зуполные мети владности его чинечи и прибавляючи себе пожитков шафовати мог то пак иж тая маетность и добра матки мне отказанные и описанные от помененого опекуна (...) дошли и зуполне отданы...»* [7, с. 123]. В свою очередь опекаемые, достигнув совершеннолетия, имели право в течение года и шести недель предъявить претензии к своим опекунам о возвращении утраченного последними имущества, если они этого не сделали в положенный срок, то лишались права вообще в дальнейшем выдвигать иски к своим опекунам по данному поводу. *«...Иванъ Мицьковичъ весполкъ з жоною своею Федорою Даниловною через приятеля и опекуна своего Ендрея Козловского (...) жаловал на слаутного пана Григоря Степановича Любана (...) о томъ, иж дей опекунове жоны моей, од отца ее небожчина Данила зоставленые, Стефан Ахремович и Федор Радкович, священникъ Хомицки, оба одностаене дали были до захованя некоторые речи в листе описанные, до зуполных летъ жоны моей, слаутному п(а)ну Григору Любану (...)»*

то есть сукмань люнски бурнатны с тканками золотыми з серебромъ, на которомъ пуг виць осмь, сукня матери ее уторфиновая зеленая, чепецъ золоты, чатыры копы дано, брамка и тканка перловая, семьдесят грошей, сорочки две коленскихъ – одна шелкомъ, другая проста, перины одны, узголове два, простица, наметцы два тонкихъ, сорочокъ простыхъ чотыри, наметки чотыри, чепцы два, котлы два <...> талери чотыри, мисы две цынованыхъ, оловенихъ болюш одинъ, чарки две, крестъ серебряны <...> Ку тому тот же дей Лобань домъ отца жоны моей, тутъ у месте Могилевскомъ лежащи <...> держитъ и уживаетъ...» [1, с. 118 – 119]. В то же время взрослые сироты могли освободить своего опекуна от выплаты убытков, которые они понесли в результате его нерадивого управления делами: «На враду войтовства Могилевского Окула Осипович приніала того дня присезу претивко Федору Осиповичу <...> опекуну тестаменту маетности и детей небожчыцы Параски Опанасовое, позасталой пред тымъ вдовы іако осми копъ на тестаменте от небожчыцы помененыхъ детей ей на тотъ часъ по ней позосталыхъ невиненъ и кды рокъ присезе прынатъ аз Окула Осиповичъ с поводовой стороною ставшы ку присезе был готов, нижли сторона поводовая бачечы на его убозство а ижъ лютость маючы надъ нимъ шестъ копъ грошей ему опустила, а вгоду на двухъ копахъ прынела, которые Окула Осипович з сказанія врадowego заплатити и отдати подвезал, што себе они дали и до книгъ записати з обудву сторонъ...» [7, с. 15 – 16]. Таким образом, по достижении сиротами совершеннолетия они обязаны были принять дела от своих опекунов и «квитовать», т.е. освободить их от опекунских обязанностей (см. табл. 2: № 5, 6, 11). Девочки же находились под властью опекунов до вступления в брак, когда в их руки в качестве приданого переходило имущество, оставленное их родителями. Вот, что написал по этому поводу в своем завещании в 1579 году могилевский мещанин Окула Пигор «дотце своей Одары, яко властному дитяти своему, отписал монеты и личбы литовское готовых гр(о)шей копъ трыдцат, а ку тому шубу лисю хутра нового лисего, сукном новым поволочно, поес серебряный, осаян черлений и ку тому сукман, то все мает сын его старший Микита, кды сестру замужь отдавати будет, все сполна отдати и веселья мает справит...» [1, с. 403].

Исследование актовых книг Могилевского магистрата позволяет сделать следующие **выводы**:

1) в XVI – XVIII века в результате высокого уровня смертности в белорусских городах наблюдается значительное количество детей, оставшихся без попечения родителей. Это обстоятельство вызвало и стимулировало развитие института опекунства;

2) для детей-сирот в обязательном порядке назначался опекун, в качестве которого мог выступать либо оставшийся в живых из родителей, либо кто-либо из ближайших родственников, либо уважаемый горожанин, на которого возлагались обязанности опекуна городским магистратом;

3) в обязанности опекуна входила забота о детях, их воспитании и образовании, а также сохранение в целостности имущества, которое должно было перейти к детям, когда последние достигнут совершеннолетия. Утрата имущества опекуном приводила к тому, что его не только отстраняли от опеки, но он обязан был возместить ущерб из своего имущества в полном объеме, в случае отсутствия такового – понести наказание в виде лишения свободы;

4) опека снималась после достижения подопечными совершеннолетия и знаменовалась передачей имущества от опекуна к подопечным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578 – 1580). – 1915. – 664 с.
2. Арлова, Г.П. Беларуская народная педагогіка / Г.П. Арлова. – Мінск: Народная асвета, 1993. – 120 с.
3. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. / М.А. Ткачоў [і інш.]; пад агульн. рэд. М.А. Лазарука. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
4. Баркулабовская летопись // ПСРЛ / под ред. Б.А. Рыбакова [и др.]. – М.: Наука, 1975. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцарского / под ред. Н.Н. Улащика. – 234 с.
5. Вялікае княства Літоўскае: энцыкл.: у 2-х т. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2005 – 2006. – Т. 1: А – К / пад рэд. Г.П. Пашкова [і інш.]. – 2005.
6. Историко-юридические материалы: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 11: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1697 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1706 – 1716 гг. / под ред. Созонова. – 1880. – 536 с.
7. Историко-юридические материалы: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871 – 1906. – Вып. 30: Акты, извлеч. исключительно из книг бывших присутственных мест Могилев. губ. за 1592 – 1796 гг. / под ред. Д.И. Довгялло. – 1903. – 360, 164 с.
8. Калачова, І.І. Народныя традыцыі і звычаі выхавання. Этнапедагогічная спадчына народаў Беларусі / І.І. Калачова. – Мінск: НІА, 1999. – 179 с.

9. Калачова, І.І. Этнапедагагічныя традыцыі беларусаў і іх уплыў на сучасную гаспадарчую сям'ю: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 22.06.1995 / І.І. Калачова; Ін-т мастацтвазн., этнаграф. і фальклору імя К. Крапівы АНБ. – Мінск, 1995. – 18 с.
10. Малиновскій, І. Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту / І. Малиновскій. – Кіеў: Тип. Имперскаго ун-та, 1894. – 173 с.
11. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
12. Национальный государственный архив Респ. Беларусь. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Ед. хр. 7.
13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 38: Актовая книга моголевского магистрата: 1 января 1701 г. – 29 декабря 1701 г. – 587 л.
14. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 39: Актовая книга моголевского магистрата: 1 января 1702 г. – 30 декабря 1702 г. – 749 л.
15. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 40: Актовая книга моголевского магистрата: 3 января 1703 г. – 31 декабря 1706 г. – 767 л.
16. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 41: Актовая книга моголевского магистрата: 1 января 1704 г. – декабрь 1704 г. – 655 л.
17. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 42: Актовая книга моголевского магистрата: 1 января 1705 г. – 30 декабря 1705 г. – 468 л.
18. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 45: Актовая книга моголевского магистрата: 1 января 1708 г. – 31 декабря 1708 г. – 299 л.
19. НИАБ. – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 46: Актовая книга моголевского магистрата: 1 января 1709 г. – 28 декабря 1709 г. – 577 л.
20. Ракава, Л. З гісторыі беларускай сям'і / Л. Ракава // Роднае слова. – 1997. – № 6. – С. 172 – 181.
21. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 573 с.
22. Таўталес, А. Права сямейнае паводле літоўскіх Статутаў (нарыс да гісторыі старажытнага беларуска-літоўскага грамадзянскага права) / А. Таўталес // Запіскі аддзела гуманітарных навук / пад рэд. З. Даўгяла. – Менск, 1929. – Кн. 8. Т. III: Працы клясы гісторыі. – С. 21 – 52.
23. Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ / под ред. Б.А. Рыбакова [и др.]. – М.: Наука, 1975. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцарского / под ред. Н.Н. Улащика. – 234 с.
24. Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы: у 2 ч. / пад рэд. Р.І. Аванесова. – Мінск: Выд-ва Акад. навук Беларускай ССР, 1961. – Ч. I. – 539 с.
25. Юхо, І. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1991. – 238 с.
26. Baronas, D. Choroby i epidemie / D. Baronas // Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: analizy i obrazy; opracowanie V. Ališauskas, L. Jovaiša, M. Paknys, R. Petrauskas, E. Raila; przekład P. Bukowiec, B. Kalęba, B. Piasecka. – Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Naukowych Uniwersitas, 2006. – P. 131 – 143.
27. Groicki, B. Obrona sierot i wdów / B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1958. – 345 s.

Поступила 22.04.2009

GUARDIANSHIP OVER UNDERAGE IN BELARUSIAN TOWNS IN THE XVI – XVIII CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF MOGILEV)

In the XVI – XVIII centuries the institute of guardianship was well developed. This was preconditioned by the great number of orphans who needed guardianship. At that this numbers included not only children who lost both parents, but also those who lost only father. Guardianship over an underage could be established by a parent drawing up their will as well as by institutions of local government. Close men-relatives could become guardians. In case of their absence a mother or a grandmother could become guardians as well. In case an orphan didn't have relatives, the guardian was appointed from among the respected citizens. Relations between a guardian and an orphan were regulated by city and state common legislation norms.